

СТЫДЯЩИЕСЯ ЕВАНГЕЛИЯ: КОГДА ЦЕРКОВЬ СТАНОВИТСЯ ПОХОЖЕЙ НА МИР

Джон Мак-Артур, мл.

Предисловие к изданию 2009 г.¹

Поразительно, что под влиянием некоторых хитрых человеческих учений люди возрастают одновременно в любви к истине и к заблуждению! Люди будут говорить: «Нам нравится это учение, но нам также нравится и другое». Дело в том, что им понравится всё, что угодно, если только хитроумный оболъститель представит это им правдоподобно. Они будут восхищаться Моисеем и Аароном, но они также не скажут ничего против Ианния и Иамврия. Мы не будем объединяться с таким союзом, в котором усматривается тенденция к такому мышлению.

Чарльз Хаддон Сперджен

Как то летом 2007 года я взял в руки книгу «Стыдящиеся Евангелия» (*Ashamed of the Gospel*), впервые за последние четырнадцать лет, и начал её листать. И прежде чем положить книгу обратно, я буквально проглотил восемь глав. Мне было приятно увидеть, что книга не утратила своей актуальности – приятно особенно потому, что я написал её как раз с целью выразить критическое отношение к той идее, будто *актуальность* достигается путем втягивания Церкви в погоню за новомодными методиками, в пустом стремлении не отставать от времени.

Конечно, моя преданность основной идее этой книги не ослабела с тех пор, как я впервые высказал эту мысль в её первом издании, но, тем не менее, я был приятно удивлён и обрадован тем, что написанное мной в 1993 году в точности соответствует тому, что я хотел бы сказать теперь. Хотя меня огорчает тот факт, насколько точно (и быстро) исполнились мои прогнозы, я всё же не унываю и намерен продолжать высказывать предупреждения, пока Господь даёт мне дыхание. В действительности, прежде чем я в тот день положил книгу обратно, я принял решение сделать всё возможное, чтобы эта книга была издана снова в новой, дополненной версии. Теперь вы держите в своих руках плоды того решения.

Я редко перечитываю собственные книги, особенно те из них, которые были изданы более десяти лет назад. В данном же случае «более десяти лет назад» означало прошлый век!

¹ Впервые эта книга была издана на английском языке в 1993 г. издательством «Crossway Books». В новой редакции 2009 г. (на английском языке) она должна выйти в свет в феврале 2010 г. Данное предисловие к новому изданию было переведено и опубликовано на www.propovedi.ru с разрешения держателей авторских прав.

Мир в 1993 году был совершенно иным по многим важным показателям. Это был особенный год, значительно отличавшийся от остальной части двадцатого столетия. Однако он не был похож на эру интернета, которая еще только готовилась вступить в свои права.

Бесспорно, начало 1990-х навсегда запомнится как поворотный момент в человеческой истории. В 1992 году консервативный независимый комментатор Джордж Уилл опубликовал комбинированные данные о своих газетных колонках, напечатанных в предыдущие три года. Он озаглавил этот сборник *Внезапно*, что в точности отражало дух того времени. Внезапно, сбивая всех толку, *всё* начало изменяться. Увлечения и философии этого мира изменялись быстрее, чем когда-либо. Перемены носили глобальный и коренной характер, оказывая влияние на всё, начиная с искусства и заканчивая зоологией. Идеологические, общественные, политические и нравственные перемены были в то время в порядке вещей. Одновременные изменения такого множества мнений и границ влекли кардинальные перемены и сбивали многих с толку.

В этом нет ничего удивительного. Любое значимое мировоззрение, основанное на «современном мышлении», теперь подверглось полному пересмотру. Некоторые из самых основных предпосылок современного модернистского общества, прежде считавшиеся правильными и точными, теперь были отброшены как мусор.

Окончание холодной войны

Главный поворотный момент наступил 9 ноября 1989 года, когда буквально за одну ночь рухнула Берлинская стена, что ознаменовало падение коммунистического режима в Европе. Разрушение наследия Ленина, как и другие грандиозные перемены, произошло очень быстро, с ошеломляющей скоростью. Такие слова, как «Горбачёв», «гласность», «война в заливе» доминировали в новостях начала 90-х. Но война в Персидском заливе завершилась в начале 1991 года, а распад Советского Союза произошёл в августе того же года. Борис Ельцин смело противостоял попытке государственного переворота, взяв в свои руки власть в России и начав процесс официального распада советской империи.

К 1993 году мир решительно отверг ценности холодной войны. Стремительно перемещаясь в будущее, мы наблюдали за тем, как понятия о современности, которых придерживались наши родители, быстро таяли в зеркале заднего вида. Слово «постмодернизм» только входило в широкое употребление и начинало звучать в открытых дискуссиях, но сами идеи, которые за ним стояли, уже распространились повсеместно. Прежде чем большинство людей осознало, что мы стали очевидцами заката эры модернизма, постмодернистские ценности уже до неузнаваемости изменили мышление мира и его высказывания об истине.

Но были, конечно, и положительные стороны в завершении эры модернизма. Одна из них – это *необходимость* в разоблачении многих предпосылок модернизма, начиная с убеждённости в том, что наука и человеческий ум являются надёжными средствами в определении истины и заблуждения. Модернизм, прозванный своими первыми сторонниками также «эрой разума», в более или менее явной форме начинался с отвержения авторитета Писания и возвышения на его место человеческого разума.

Падение всех основных модернистских идеологий разоблачало надменность такого образа мышления, и это было однозначно положительным последствием такого развития событий.

Кроме того, перемены, произошедшие с границами мировых политических альянсов, открыли прекрасные новые возможности для служения. Мне посчастливилось несколько раз побывать в странах бывшего Советского Союза, для обучения различных групп пасторов и для проповеди Слова в русских и украинских церквях. Я близко познакомился с советскими баптистами и установил с ними крепкие отношения, которые остаются таковыми по сей день. Во время моих первых визитов в ту часть мира я был совершенно поражён, увидев силу и жизнеспособность тех евангельских церквей. Их богослужения были живым воплощением строгой простоты – лишь проповедь Слова и совершение церковных установлений при полном отсутствии плотских и развлекательных элементов, которые к тому времени так прочно обосновались в арсенале разных «экспертов» в нашей стране. Это подтолкнуло меня к более глубоким, чем когда-либо, размышлениям о том, как Господь созидает Свою Церковь и что означает быть мудрым строителем (1 Кор. 3:10-15).

К началу 90-х годов американское евангельское движение скатилось к постыдному подражанию буквально каждому мирскому увлечению. Служители церкви и стратеги церковного роста открыто рассуждали о Евангелии как о товаре, продающемся на рынке, и ожидаемым результатом такого подхода стали безудержные попытки превратить Евангелие в такой товар, который был бы востребован большинством покупателей. Стало общепринятым мнением, что изощрённые рыночные стратегии куда более эффективны в деле охвата «невоцерковленных» народных масс, чем проповедь Евангелия. Казалось, никто не хотел подвергать сомнению эту идею, подкреплявшуюся бесчисленным множеством голосов. Да и кто поспорит с явным «успехом» некоторых мегацерквей, ориентированных на развлечение своих прихожан?

Западные евангельские верующие в течение десятилетий постепенно всё более теряли интерес к подлинно библейской проповеди и доктринальному наставлению. Церковь в Америке ослабла, стала мирской и человекоцентричной. Уши евангельских христиан пристрастились к чему-то более стильному и развлекательному, нежели библейская проповедь (ср. 2 Тим. 4:3), а сообразительные в бизнесе евангельские эксперты заявили, что не давать людям того, что они требуют, – это просто глупо. Они настаивали, что без прагматических методов численный рост церкви будет просто невозможен, даже если такой прагматизм будет явно вредить *духовному* росту.

Церкви испытывали сильное духовное голодание, получая при этом передозировку развлечений. Немногие процветающие мегацеркви скрывали это трагическое положение под маской невероятно большого количества прихожан, но любой, кто взялся бы здраво оценить ситуацию и её последствия, обнаружил бы наличие в западной евангельской Церкви серьёзных проблем. (Именно эти тенденции натолкнули меня на мысль приступить к написанию этой книги.)

В противоположность западным, окружённые «железным занавесом» церкви жаждали библейского учения, неуклонно наращивали свою духовную силу и увеличивались в числе силой смелого провозглашения Евангелия. Проведя многие годы в условиях коммунистических гонений, они, наконец, обрели свободу открыто

проповедовать Христа, и именно этим они и начали заниматься. И в результате этого они расцвели.

Большинство пасторов в России не имело официального духовного образования, поэтому они ожидали помощи с Запада в изучении герменевтики и доктрин. (Именно в связи с этим я впервые и встретился с ними.) Многие зрелые и проницательные служители церквей из бывших стран «железного занавеса» отнеслись настороженно к возрастающему влиянию Запада. Я тогда открыто выражал свою солидарность с их настороженностью и высоко ценил их осмотрительность. Я был убеждён, что даже слабейшие *их* церкви могут очень многому научить евангельских верующих в Америке относительно библейского подхода к росту церкви. Они понимали, что ни одна приемлемая стратегия церковного роста не должна противоречить истине, выраженной в Иоанна 15:19-20: «Если бы вы были от мира, то мир любил бы своё; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир. Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас; если Моё слово соблюдали, будут соблюдать и ваше».

Когда «железный занавес» рухнул, множество западных «миссионеров» наводнило пространство бывшего Советского Союза. Однако они привезли с собой не столько подлинно евангельские средства служения или помощь в изучении Библии, сколько весьма сомнительные методы, отравленные ядом той же философии церковного роста, которая уже превратила евангельские церкви на Западе в нечто очень поверхностное и мирское. Служители церквей в России были просто шокированы таким множеством дешёвых стратегий, экспортированных в их культуру с Запада под маской евангельского христианства. Я вместе с ними испытал оскорбление и стыд.

Я помню, как во время одной из своих первых поездок в Москву я увидел по российскому телевидению выступление одного сверкающего американского теле-евангелиста со смешными длинными волосами, который продвигал своё учение о здоровье и процветании вместе с другими лжеучениями². Такие проповедники, скорее всего, не оказали никакого благотворного влияния на здоровье *церквей* в России, но они впрыснули в общественное сознание опасный яд лжеевангелия, смутив миллионы умов. Советские люди всё ещё находились под влиянием атеистических убеждений и были лишены доступа к истине Священного Писания. Таким образом, они не имели средств, чтобы отличать истину от заблуждения в религии. Бесспорно, представленное на телевидении лжехристианство своими массовыми прививками отвратило многих от подлинного Евангелия.

Я также помню, как видел парад «студенческих миссионеров» из Америки, которые давали на центральной площади Киева представления, используя всевозможные цирковые трюки от жонглёров до клоунов и разные мирские виды развлечений в виде пантомим и смысловых танцев, выдавая всё это за «способы проповеди Евангелия» – или еще *чего-то* очень духовного – преодолевающие языковой

² Я часто поражался тому, как много американские евангелисты говорят о важности «контекстуализации», в сравнении с тем, как мало они делают тогда, когда необходимо подлинное межкультурное взаимодействие. Покрывание головы (платками) и скромное одеяние были для женщин-христианок гонимой церкви символами подчинения (как и в культуре Коринфа – ср. 1 Кор. 11:5-6). Массированная атака западной поп-культуры и теле-евангелистов на посткоммунистическую Россию была, пожалуй, самым культурно бесчувственным деянием западных христиан по отношению к бедным и гонимым братьям, внезапно освободившимся от заслона «железного занавеса».

барьер. Откровенно говоря, я не уверен, какую на самом деле весть они несли. Я достаточно хорошо представляю себе, о каком Евангелии говорит Писание, и эта весть не нуждается в том, чтобы её представлять в пантомимах на площади Независимости. И мне снова было стыдно за западные церкви.

А в Америке обо всех этих действиях во весь голос говорили как о грандиозном служении благовестия. Судя по заявленному количеству предполагаемых обращённых в результате такого «благовестия», мы в праве ожидать ежемесячного удвоения и даже учетверения количества церквей в странах бывшего «железного занавеса».

Церкви в России и Украине на самом деле росли, но благовествующие уличные артисты с Запада не приложили к этому ровным счётом ничего. Эти церкви выросли благодаря тому, что христиане в России, получившие теперь свободу открыто провозглашать Евангелие, проповедовали покаяние и веру в Иисуса Христа своим согражданам. Результат невозможно было не заметить. Я присутствовал на многих богослужениях в русских баптистских церквях, и временами можно было часами наблюдать новые и новые обращения к Богу, в которых люди отрекались от своих грехов и исповедовали веру во Христа перед всем собранием, которое всё это время стояло. Это было прямо противоположно тем «обязательным элементам» благовестия, на которых настаивали американские гуру церковного роста. Но наблюдая за всем происходившим тогда, я ловил себя на мысли, что являюсь свидетелем практического воплощения в жизни того, что описано в Книге деяний апостолов.

На самом деле, большинство западных миссионеров, устремившихся в страны бывшего Советского Союза после падения коммунизма, абсолютно не заметили тогда настоящие признаки церковного роста, потому что они не придавали значения уже существовавшим на то время церквям. Они плодили парацерковные организации, делали ставку на средства массовой информации, вкладывали средства в кукольные представления на городских площадях и пытались основывать новые церкви, копирующие западную мирскую модель. Большинство из видимых результатов такого рода «благовестия» и насаждения церквей, к счастью, имели недолгую жизнь.

Но из того, что в итоге *прижилось*, не всё можно было считать полезным. Американцы привнесли в ту культуру такие методы мирского благовестия, которые теперь обретают поддержку и производят большое смятение в русскоязычных церквях. Эти церкви, которые десятилетиями терпели притеснения властей и насмешки общества, теперь вынуждены бороться против врага, который менее заметен, но в тысячи раз более опасен. Этот враг – супермодные методы, привезённые американскими евангельскими христианами, это хитрые уловки и нововведения, которые принижают практически всё действительно важное ради угождения низменным инстинктам людей.

Бесспорно, самые изощрённые и опасные формы западного влияния приходили со стороны специалистов по церковному росту, миссиологов и профессиональных исследователей общественного мнения. В отличие от телепроповедников и уличных артистов, эти высокообразованные люди смогли прочно обосноваться внутри русскоговорящих церквей. К ним отнеслись с доверием, поскольку среди них были авторы книг, успешные миссионеры, профессора семинарий с учеными степенями и даже пасторы. Они наводнили эти страны книгами и идеями, из которых практически все преподносили крайне прагматичный подход к служению, абсолютно чуждый во

всех отношениях Церкви, которая переживала коммунистические гонения в течение значительной части прошлого века.

Вряд ли можно себе представить что-либо более неподходящее, чем безумная погоня за прагматизмом, которая намеренно насаждалась в российских и восточноевропейских церквях, небрежно сдабриваясь теориями о контекстуализации. Но явное вливание в Россию поверхностного подхода к благовестию было лишь вершиной айсберга. С помощью различных быстродействующих и недорогих средств массовой информации по всему миру распространялось отупляющее воздействие недееспособной американской религии. В частности, интернет в большей степени содействовал внезапному открытию шлюзов, так что стало невозможно сдерживать и контролировать это безумие. Всего за несколько лет евангельское трюкачество стало наиболее заметным и влиятельным выражением западной «духовности» во всём мире.

Отрава религиозного прагматизма теперь превратилась в огромную *глобальную* проблему.

РАСЦВЕТ ЭРЫ ИНТЕРНЕТА

Всемирная компьютерная паутина неслышно вошла в жизнь менее чем через год после распада Советского Союза. Но до 1993 года, когда первое издание этой книги появилось на книжных полках, никто, кроме самих разработчиков интернета, даже не слышал о всемирной сети, и уж тем более не видел её. Большинство людей не имели никакого представления о том, как быстро и как радикально всемирная сеть изменит тот мир, который они до этого знали.

Я помню, как в 1993 году на одной из встреч, посвященных стратегическому планированию служения, мне сказали, что всемирная сеть впоследствии станет основным средством вещания наших радиопередач и распространения аудио-проповедей. (В то время радио и магнитофонные кассеты всё ещё оставались единственным средством распространения аудиоматериала.) Когда некоторые служители церкви «Грейс комьюнити», шедшие в ногу с новыми технологиями, предсказали, что через двадцать лет или около того записи на кассетах совершенно выйдут из употребления, то я подумал, что они преувеличивают. «Вы не сможете зайти в интернет из своей машины, – заметил я тогда. – Но даже если это вам и удалось бы, то кому захочется возить компьютер на сиденье своей машины, если намного удобнее просто вставить в магнитолау кассету?»

Да, технологии – не моя сильная сторона.

Та скорость, с которой мир окунулся в новые технологии, просто ужасает. Удобство и быстрота связи через интернет принесла перемены почти во все сферы нашей жизни. Удивительная доступность огромного количества информации (и дезинформации) коренным образом поменяла подход людей к обучению, мышлению и принятию решений.

Тем временем, простота, доступность и дешевизна публикаций в интернете уравнили игровое поле между специалистами и простаками. Теперь любой может

открыть свой блог совершенно бесплатно. Любой с помощью компьютера (или сотового телефона) и подключения к интернету может мгновенно и на весь мир высказать своё мнение. Новички и учёные умы могут наравне пользоваться одними и теми же информационными ресурсами. Теперь лучшие специалисты в привлечении слушателей и те, к чьему мнению прислушиваются, не обязательно являются лучшими ораторами.

Большое разнообразие мнений и огромное количество информации, мгновенно распространяющейся по всему свету, приводят к тому, что импровизированный звуковой файл может оказать в тысячу раз более сильное влияние, чем тщательно продуманный и аргументированный трактат учёного. По сути, истинность или ложность высказанной идеи теперь считается менее важной, чем способ, которым она передаётся. (Современные рыночные стратегии основаны именно на таком образе мышления.) Большинство людей инстинктивно предпочтут острозычную шутку глубоко проработанной статье. Поэтому стиль берёт верх над содержанием почти в каждом деле. Короткие фразы легче проглотить, чем серьёзные рассуждения.

Данная реальность проявляется в том, как мы воспринимаем новости, как политики проводят избирательные кампании и даже в том, как люди строят взаимоотношения друг с другом. Короткие текстовые сообщения стали основным инструментом общения между людьми. «Интернет-свидания» заменили долгий период традиционного ухаживания. «Выделение свободного времени» своим детям заместило собой подлинное воспитание. Организаторы ток-шоу на радио ожидают звонков от аудитории, но администратор жёстко обрубает разговор, если дозвонившийся не сможет четко сформулировать свою идею за первые четыре секунды (или даже меньше). Телеведущие делают то же самое с приглашёнными на передачу гостями, обрывая участников дискуссии на полуслове, стараясь сохранять такой темп своего шоу, за которым никто на самом деле не поспевает. Само шоу, а не суть сказанного, стала иметь первостепенное значение. Погоня за высоким рейтингом передачи становится козырем, который бьёт истину. (Не такая ли же философия движет сегодня многими церквями?)

Я участвовал в нескольких телевизионных дискуссиях, в которых участники иногда физически были разбросаны по всей стране, не могли видеть друг друга и с трудом были способны уловить краткие фразы других участников в своих крохотных наушниках. И это даже не имело значения. Если камере удавалось передать зрителям *видимость* высказывания разных точек зрения лицом к лицу, цель передачи была достигнута. Ну и что с того, что никто не смог высказать более половины своего предложения за один раз? Наша культура просто утратила способность терпеливо выслушивать обоснованные высказывания и обдуманное разъяснение.

Нельзя оставить без внимания тот факт, что самая популярная форма выражения мыслей в интернете на данный момент – это «Твиттер»³, программа, которая позволяет пользователям публиковать в блогах свои заметки для всего мира в очень сжатой и содержательной форме. Длина каждого «твита» ограничивается 140 символами, и еженедельно рассылаются миллионы таких сообщений. Это представляет собой

³ Twitter (от англ. *twit*, «щебетать», «болтать») – интернет-сайт, представляющий собой систему микроблогов, позволяющий пользователям отправлять короткие текстовые заметки (до 140 символов). Краткость, удобство, оперативность, широкий круг читателей – всё это делает «Твиттер» популярнейшим сервисом ведения блогов. – *Примеч. пер.*

следующий логический шаг в цепи новой медиа-эволюции. Традиционные блоги уже начали вырождаться как средство общения. (В среднем объём блога составляет три абзаца, что в наше время уже считается слишком многословным.)

Продолжительность удерживания внимания сокращается, грамотность пришла в упадок, а логика зачастую воспринимается как излишняя придирчивость. Всемирная паутина лучшим образом подстроена под нашу культуру, в которой то, что мы «чувствуем», значит больше того, что мы «думаем». Интернет приютил в себе миллионы форумов, на которых люди торгуют мнениями и афоризмами, что часто становится электронным эквивалентом взаимного орания друг на друга в жизни. Интернет форумы сыскали себе дурную славу за богохульство и враждебность, которые в них доминируют. Если вам нужно наглядное доказательство испорченности человека, то загляните практически на любой не подверженный цензуре интернет форум, включая и те, которые посвящены богословским вопросам.

Интернет представляет собой идеальную среду для расцвета и распространения идей постмодернизма, что происходит не вопреки всем перечисленным его недостаткам, а именно *благодаря* им.

ПОСТМОДЕРНИЗМ: ПОД ВОПРОСОМ ВСЁ

Более подробно вопросы, связанные с постмодернизмом, я обсуждал в другом труде⁴. Здесь же будет достаточно лишь подвести итог постмодернистскому мышлению, обозначив последнее как неуверенность практически по любому вопросу. Как мы уже заметили, отправной точкой для *модернизма* было отвержение авторитета Библии (отказ от веры в сверхъестественное как от недоказуемой или просто неактуальной точки зрения). Вместо этого наука и человеческий разум были безрассудно возведены в ранг надёжного и авторитетного судьи. В конце концов, крах множества модернистских идеологий полностью развенчал рационализм и нанёс смертельный удар по постулатам модернизма. В свою очередь, *постмодернизм* подвергает любую идеологию и любой авторитет бесконечному скептицизму.

Основной предпосылкой модернизма являлась идея, что достичь твёрдой убеждённости возможно только посредством беспристрастного применения научного подхода. (Всё, что можно было проверить и подтвердить лабораторным методом или логически вывести на основании научных «фактов», могло считаться истинным; а всё остальное было списано в разряд простых суеверий.) Модернисты были убеждены, что базовый фундамент устоявшихся научных знаний бесспорно является тем надёжным авторитетом, которым можно проверить *любую* так называемую истину. Этот подход, в свою очередь, должен был в итоге привести к всеобщему согласию по поводу всех фундаментальных проявлений жизни, включая существование человека.

Когда же эти ожидания разбились о бесчисленные рифы холодной реальности, то модернизм бесповоротно обратился в кучу тлеющего пепла. Там, где модернистское мышление стремилось к единообразию, уверенности и порядку, постмодернизм

⁴ *The Truth War: Fighting for Certainty in an Age of Deception* (Nashville: Nelson, 2007), 10-26.

утвердил новые каноны совершенно противоположных ценностей: многообразие, сомнение и вольнодумство. «Всё повергать сомнению» стало девизом постмодернизма.

Добавьте к этим ценностям доступность интернет связи, и вы получите то, что видите сейчас: стирание практически всех различий между знанием и невежеством, авторитетом и некомпетентностью, экспертом и дилетантом.

Как возникло это понятие постмодернизма, и как он сумел прокрасться и захватить, кажется, целый мир так быстро?

Само слово *постмодерн* старше, чем думает большинство людей. Оно часто использовалось применительно к художественным, литературным и архитектурным стилям ещё после окончания Первой мировой войны. С середины 1960-х до 1980-х годов этим термином все чаще обозначали некоторые лингвистические теории, а также определенные взгляды на постижение истины. Жак Деррида (автор термина *деконструкционизм*, применявшегося для описания постмодернистской герменевтики) в 1960-х годах описал свои постмодернистские воззрения на истолкование смысла языка и философии. Мишель Фуко и Жан-Франсуа Лиотар в 1970-х годах исследовали влияние деспотического языка и метанарратив на политику⁵. В 1980-х годах, под влиянием таких писателей, как Ричард Рорти и Жан Бодрийяр, в значительной части академического мира стало преобладать характерное для постмодернизма презрение к рациональной убеждённости. К 1990-м годам термин *постмодернизм* уже широко использовался в университетских курсах по литературе и философии. Студенты подхватили этот образ мышления, чем сбили с толку своих родителей, преданных до корней волос идеям модернизма.

К концу 1990-х годов молодое поколение евангельских верующих начало открывать для себя постмодернизм. Отстав более чем на десятилетие от основной группы, они решительно не хотели остаться за бортом. Происходившая из так называемого «поколения икс»⁶, постмодернистская молодёжь была в значительной мере продуктом так называемых «молодёжных служений», проводимых отдельно от взрослых. Молодые люди были приучены к таким методам «созидания церкви», основой которых служили спортивные игры и развлекательные мероприятия. Музыка их поколения сильно отличалась от той, которую любили и считали довольно современной их родители. Они щеголяли такой одеждой, которую посчитали бы вызывающей даже в самых «продвинутых» церквях, ориентированных на приманивание ищущих. Настрой молодёжи вообще и молодёжных лидеров в частности стал глубоко циничным, отражая постмодернистские веяния.

Главной проблемой для этих молодых людей было то, что церкви их родителей действительно были патологически поверхностными и мирскими. Студенты выросли в атмосфере, которая больше развлекала их, чем питала духовно. Когда они начали переходить из среды молодёжи во взрослый мир, то церкви, которые просто не могли принять новый стиль, не были в них заинтересованы. В действительности, даже

⁵ «Метанарративы» (т. е. «великие повествования») – грандиозные, крупномасштабные доктрины и философии мира, по утверждению Лиотара, подвергшиеся сомнению в наш постсовременный век. – *Примеч. пер.*

⁶ «Поколение икс» – термин, применяемый к поколениям людей, родившихся в разных странах с 1965 по 1982 гг. В США «поколением икс» обычно называют поколение людей, родившихся в период спада рождаемости, который наступил после демографического взрыва. – *Примеч. пер.*

церкви, наиболее ориентированные на ищущих, по-прежнему глубоко вязли в трясине вкусов и убеждений периода модернизма и чуждались постмодернистского поколения.

Вот что неизбежно происходит, когда церкви отходят от библейских стандартов служения в угоду мирским тенденциям. «Тот, кто женится на духе нынешнего века, вскоре останется вдовцом». Я не знаю, кто первым произнёс эти слова, но они точно описывают то, что случается вновь и вновь с церквями и деноминациями, которые гоняются за модой. В начале XX в. большинство людей в евангельском мире полностью согласились бы с идеей, что внешний блеск решает всё. Но потом они встретились с печальной реальностью, что шагать в ногу со временем – крайне трудное дело. Даже церкви, в наибольшей степени ориентированные на культуру, до сих пор пытаются ухватиться за прихоти и мирские ценности давно минувших 1980-х годов (а то и более раннего периода). Это стало главной причиной разочарований и крушений планов молодых евангельских верующих, которых научили, будто культурное соответствие решает всё. Они уяснили лучше, чем их родители, как быстро изменяется этот мир, и теперь видят очень ясно, что Церковь не смогла идти с ним в ногу.

Поскольку пример их собственных родителей *научил* их подстраиваться под мирские тенденции и адаптироваться в популярной культуре с целью роста Церкви, они следуют той же прагматической схеме с ещё большей ревностью, чем их родители. Их представление об «актуальности» является столь же поверхностным и привязанным к культуре, как и у их родителей. Но та культура, которую они пытаются примешать к своей религии, значительно хуже, поскольку она враждебна самому представлению об истине и уверенности. Конечно, эксперты и стратеги, которые изначально продвигали рыночные подходы к служению, несмотря ни на что, продолжали подпитывать и поддерживать прагматизм.

Все эти направления обозначились уже в начале 1990-х, и именно это тогда подтолкнуло меня к написанию этой книги. Возрастающая мода на поверхностность в евангельских церквях, постепенная утрата уверенности в силе Писания, непреклонная погоня за мирскими прихотями и устойчивый курс на отход от исторических евангельских убеждений уже тогда были широко распространены и представляли серьёзную опасность. Все эти отклонения были вызваны одержимостью евангельского движения стремлением угодить миру. Было очевидно (любому, кто способен видеть), что рыночный подход к благовестию и строительству Церкви принесёт только беды.

Принятие постмодернизма «поколением икс» в молодёжных группах, ориентированных на ищущих, привело к той самой катастрофе, которую предсказывала настоящая книга. Это был совершенный рецепт отступничества: тысячи молодых людей, проникнутых идеями прагматизма как образа жизни, воспитанных на убеждениях о том, что поклонение должно быть приемлемым для «невоцерковлённого Гарри», и наученных относиться к истине как к чему-то недостижимому. И теперь они предались всем этим заблуждениям сразу и попытались состряпать из этой смеси «новый тип христианства».

Самые первые откровенно постмодернистские евангельские верующие вскоре нашли друг друга и объединились. Издательство «Зондерван» (Zondervan) стало рупором для некоторых наиболее дерзких голосов из этого объединения и начало печатать их книги. В результате возникло движение под названием «Имёрджинг чёрч» (Emerging Church movement, англ. – «движение развивающейся церкви»). Ключевые

фигуры этого движения вскоре поспешили избавиться от терминов *церковь* и *движение* и начали называть себя участниками «имёрджинг беседы» (Emerging Conversation, – англ. «развивающаяся беседа»). Это была типично постмодернистская «беседа» в духе интернет эры: короткие фразы, не имеющие содержания, страстность без принципа и ревность без познания. Это было движение, исполненное шума и страстей, но без какого-либо конкретного значения.

Развиваясь в основном из поверхностного крыла евангельского движения, новая постевангелическая субкультура просто не имеет никакого крепкого доктринального основания. Трудно найти хотя бы одно из положений веры исторического христианства, которое не подвергалось бы пересмотру или откровенным нападкам со стороны тех, кто в настоящее время стоит в руководстве этой «развивающейся беседы». Это коснулось и такого основополагающего учения, как догмат о Троице, такой важной истины, как авторитет Писания, и такой драгоценной доктрины, как заместительное искупление.

Как и ожидалось, движение «имёрджинг» в течение первого десятилетия дробилось на более мелкие направления. Наиболее плодотворные писатели и фигуры в руководстве этого сообщества, казалось, черпали свои идеи и доводы прямо из модернистского сценария, несмотря на разговоры о своей принадлежности к *постмодернизму*. Горстка первых участников «беседы», которые придерживались консервативного богословия, распознали опасности такого неолиберального богословия и со временем полностью открестились от этого движения. Некоторые из умеренных его участников, кажется, всё ещё пытаются решить, в каком направлении им выйти из этой «беседы».

Все эти движения в точности следуют тому образу доктринального и духовного разложения, которое более ста лет назад описал Чарльз Сперджен, назвав его «движением по наклонной» (the Down Grade). Это именно тот широкий путь, ведущий в погибель, о котором я предостерегал в первом издании этой книги. Церковь по-прежнему крайне нуждается в том, чтобы услышать и принять во внимание тот же призыв. (И, возможно, сейчас даже более, чем когда-либо.) Сам этот факт подрывает традиционное евангельское представление о том, что придаёт весте актуальность.

Я постарался внести как можно меньше изменений в изначальное содержание книги, лишь кое-где подправив отдельные предложения. Я решил оставить как можно больше прежних эпизодов, иллюстраций и цитат, хотя некоторые из них, на первый взгляд, устарели. Все из них можно было бы с лёгкостью заменить или подкрепить новыми примерами. Но одна из главных причин переиздания этой книги состоит в необходимости подчеркнуть тот факт, что сама эта тема не устарела. Она *никогда* не устаревает. Прослеживается чёткая линия философской преемственности между модернистами эпохи Сперджена, лидерами движения ориентированности на ищущих в XX в. и наследниками постмодернизма в современном поколении. Как предупреждали Сперджен и его сотрудники в своих статьях, ознаменовавших начало полемики вокруг «движения по наклонной», этот образ мышления имеет свои корни в *прошлой* истории. В том или ином виде та же самая основополагающая доктринальная идея и прагматические доводы служили рельсами, по которым люди в прошлом соскальзывали ко всем известным формам отступничества.

С такой мыслью я просто предоставил давно написанной книге говорить самой за себя; я лишь давал комментарии в сносках, когда хотел развить какую-либо мысль или объяснить что-либо более подробно.

Я также добавил две новые главы (11 и 12) и дополнительное приложение, в котором приводится материал из высказываний и книг Сперджена. В первом издании книги глава 10 была озаглавлена «Эпилог», но в этом издании я назвал ее «Интерлюдией», потому что эта глава (которая в любом случае была краткой) теперь связывает содержание первого издания книги с дополнительными главами. Новое приложение, кажется, служит хорошим переходом между первым и вторым приложениями первого издания, поэтому я и поместил его между ними и заново пронумеровал все приложения, вошедшие в новое издание книги.